

УДК 811.161.1'37

**Роль окказиональных существительных
в поэтическом тексте**

Муратова Е.Ю.

*Витебский государственный университет им. П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь*

В статье исследуется художественная функция отглагольных существительных с нулевым суффиксом в поэтических текстах М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной. Доказывается, что сама структура новообразования, представляющая собой морфологическую сторону смысла, порождает новый смысловой процесс.

Ключевые слова: *окказиональное существительное, нулевая суффиксация, отглагольность, имплицитные смыслы.*

Несмотря на усилия многих лингвистов, занимавшихся индивидуальным словотворчеством, до настоящего времени не выработана непротиворечивая терминология новообразований в их отношении к традиционным словам.

Проблемы терминологии в этой области кратко сформулированы Л.В. Зубовой: «Действительно, даже наиболее распространенные в теории словообразования термины несовершенны. Реализованное потенциальное явление перестает быть потенциальным. В обширной области переходных фактов практически невозможно объективно установить степень продуктивности модели для различения окказионального и потенциального. Термин «поэтический неологизм» отчасти объединяет смысл авторских инноваций, не охваченных этим термином, а также имеет нежелательный оттенок оценочности. Термин «новообразование» может вызвать посторонние медицинские ассоциации. Термин «инновация» относится не только к словообразованию. Однако в практических целях при анализе индивидуального словотворчества (во избежание невнятности изложения) удобно использовать наиболее известные и традиционно предпочитаемые наименования явлений: обобщающие термины «инновация», «новообразование» и детализирующие «поэтический неологизм», «окказионализм», «потенциальное слово» [4, с. 129–130].

Мы разделяем точку зрения Л.В. Зубовой, употребляя в работе наиболее распространенные в данной теории термины.

Использование высокопродуктивных моделей в словотворчестве, как правило, неизбежно для большинства поэтов. И это вполне объяснимо: не только поэт с помощью языка как материала создает единое гармоническое целое, но и язык определенным образом предписывает поэту возможности формирования этого гармонического целого. «Свобода окказионального словотворчества, составляющая одну из главных его отличительных черт, все же достаточно заметно ограничена системными словообразовательными отношениями, исторически сложившимися в данном языке, а

также структурой канонических слов, которая держит в определенных пределах произвольность словотворческих импровизаций отдельных индивидуумов» [5, с. 59].

Многочисленную группу в лирике XX века представляют существительные, образованные с помощью нулевой суффиксации, которая и в общенациональном языке получила самое активное развитие в XX веке в связи с ускоряющимся темпом жизни. «Нам в сутолоке городов, – писал К. Чуковский, – будет некогда изъясняться длительно-многоречиво, тратить десятки слов, где нужны только два или три. Слова сожмутся, сократятся, сгустятся. Это будут слова-молнии, слова-экспрессы» [8, с. 217]. Хотя глагол будущего времени «будут» не совсем точен, поскольку тенденция возникновения слов предельной краткости с одновременной морфологической простотой вообще характерна для естественного языка. Еще А. Пушкин употреблял такие слова, как *скачь, розь, щёлк, хлоп, мольв, топ, шип*. В. Даль писал: «Мы жалуемся, что слова наши долги и жестки... уж не сваливаем ли мы с больной головы на здоровую? Где эти семипяденные слова, с толкотнею четырех согласных сподряд, в народе?... Уж не сами ли мы сочиняем хоть бы например слова, как *собственность*, вытеснив им слово *собь*... не сами ломаем над собственным сочинением этим собственным свой язык и кадык?» [3, I, с. 25]. Поэты, как интуитивные лингвисты, идут «по следу народному», открывая ретро- и перспективные потенциалы родного языка.

В творчестве многих поэтов XX века, например, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Цветаевой, А. Белого, В. Хлебникова, Б. Пастернака, И. Бродского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной язык стал изображаемым явлением, предметом пристального внимания и творческого преобразования. Как пишет М.Л. Гаспаров, «...исходной темой может быть не только кусок действительности, но и кусок языка: когда Хлебников пишет: «О, рассмейтесь, смехачи!..», то темой его служит не явление «смех», а слово «смех» с его словообразовательными возможностями» [2, с. 7]. Поэтический язык стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания. Поэтому актуальным объектом исследования языка современной поэзии закономерно становится лингвокреативное мышление, «направленное на порождение новых языковых феноменов путем трансформации уже имеющихся в языке единиц; исследование, предпринятое в рамках такого подхода, будет ориентироваться на выявление механизмов созидания языка под воздействием потребности человека в самовыражении и познании мира» [6, с. 74]. Цель данной работы – исследовать художественную функцию отглагольных существительных с нулевым суффиксом в поэтических текстах М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной, а также доказать, что сама структура новообразования, представляющая собой морфологическую сторону смысла, порождает новый смысловой процесс.

Художественная функция отглагольных существительных с нулевым суффиксом, на наш взгляд, состоит в «овеществлении» действия, ими обозначенного: вместе с суффиксами (в основном *-енье*) исчезает и главный признак отглагольности, существительное начинает совмещать в себе признаки действия и предмета, что, безусловно, углубляет его семантику. Таким образом, сама форма лексемы становится смыслообразующим фактором. Например, у Б. Пастернака: *Мелко исписанный инеем двор! / Ты – точно приговор к ссылке / На недоед, недосып, недобор, / На недопой и на боль в затылке*. Или у И. Северянина: *Вокруг – талантливые трусы / И обнаглевшая бездарь*. Свое впечатление от существительного *бездарь* (тогда еще с ударением на втором слоге) своеобразно выразил К. Чуковский: «У Северянина мне, например,

нравилось его прелестное слово *бездарь*. Оно такое бьющее, звучит как затрещина и куда энергичнее вялого речения *без-дар-ность*... Право, нужно было вдохновение, чтобы создать это слово: оно сразу окрылило всю страну. Оно не склеенное, не мертворожденное: оно все насыщено эмоцией, в нем бьется живая кровь. И даже странно, как это мы до сих пор могли без него обойтись» [8, с. 217].

Нулевая суффиксация является яркой приметой идиостиля М. Цветаевой. В словотворчестве поэта она представлена рекордным (по сравнению с другими словообразовательными типами) количеством новообразований – 97 лексем, т.е. 19,8 % всех окказиональных существительных в поэзии М. Цветаевой составляют лексемы с нулевой суффиксацией. Среди них можно выделить отглагольные и отыменные новообразования: *бормот, вздрог, вжим, вмах, ворк, вспых, всхлес, вымах, воркот, выскок, зноб, ков, охлест, пропад, руб, раззор, рукоплеск, склаб, тряс, ухмыл, недослух, дрызга, кипь, оглядь, опушь, плещь, притопь, причеть, сквозь, ступь*.

Менее активен такой тип новообразований у Б. Ахмадулиной, но, тем не менее, в ее лирике он также имеет место: 1. *Далекий свет иль звук – **чирк** холода по коже*. 2. *Из кухни в погреб золотистой финки / так весел **промельк!** Как она мила!* 3. *Вот открытость входа / в глубокий парк, в далекий **мельк** огня*. 4. *Все чушь, чешуя, серебристая **чудь***. 5. *Вид: восстанье и бой лежесток-параллелей, / **кривь** на **кось** натравил геометра просчет*. У Б. Ахмадулиной встречается образование подобных существительных при помощи приставки: *Лишь **расплыв** золотистого цвета понимает душа*. У И. Северянина: *Как **сочь** шольская, полна она желаний: / В ее глазах, губах, во всей – сплошная **сочь**... Вот страсть насыщена, и аккуратно вытер / Отроманировавший немец пыль и **влажь***. Такой тип словообразования приводит к освобождению корня или основы слова и концентрации внимания читателя на самом семантически значимом сегменте слова.

Рассмотрим роль окказионализмов данного типа в формировании новых смыслов на следующем примере из лирики М. Цветаевой:

*Земля да легка! / Друг, в самую **сердь!** / Не в наши лета / Откладывает смерть!*

Окказионализм *сердь* в данном контексте становится семантическим «узлом» высказывания, поскольку форма созданной автором лексемы способна реализовывать совершенно разные смыслы. Одна группа смыслов возникает в лексико-семантической группе «середина». Ее смысловой инвариант формируется на основе одной из фундаментальных категорий, определяемых при ментальном освоении действительности – категории пространства, посредством которой выделяются два обязательных параметра – середина объекта и его периферия. Причем середине, внутренней стороне объекта в мифологическом сознании придается первостепенное значение по сравнению с его внешней данностью. Лексема *середина* в русском языке имеет синонимы *глубина, центр, ядро*. В свою очередь, *глубина* – это «то, что является внутренней областью чего-либо» и вместе с тем – «содержательность, значительность» (глубина знаний), *глубокий* – «существенный, значительный» (глубокий смысл); *центр* – не только средняя часть чего-то, но «место сосредоточения чего-нибудь» (культурный центр); *ядро* – «недро, самая середка внутри вещи, нутро ее или срединная глубь» и вместе с тем переносно – «самое главное, важное, сущное» [3, с. 673]. Таким образом, сложное соединение разных значений (а оно возможно именно потому, что перед нами не узуальная лексема *середина*, а семантически неэксплицированный окказионализм *сердь*) изменяет вектор смыслообразования из лексико-семантической группы «середина» в другую – «глубина, значительность, самое важное». Представ-

ляется, что смысл *серди* в данном случае наиболее близок определению В. Даля – «серединная глубь».

Еще один путь развития смысла заложен в созвучии лексем *сердь* и *сердце*. В авторском сознании такая связь, безусловно, присутствует (Ср. в другом стихотворении: *Я знаю: не сердце во мне, -- сердцевина / На всем протяженьи ствола*). Именно через окказионализм *сердь*, сохраняющий основное значение узусальной лексемы *середина*, но фонетически гораздо больше созвучный лексеме *сердце*, поэт создает еще одну смысловую цепочку и для читателя. На значение «середина» накладывается значение «чувство», что рождает смыслы *сердь*: – это одновременно и середина, и сердцевина, и сердце. Трансцендентные смыслы, заложенные в символе «сердце», опять изменяют значение лексемы. «Сердце – Центр существа, как физический, так и духовный, божественное присутствие в центре. Сердце олицетворяет центральную мудрость, мудрость чувства в противовес рассудочной мудрости головы. Оба способа разумны, но сердце – это еще и сострадание, понимание, место тайное, любовь, милостыня. Оно содержит кровь, то есть жизнь. Сердце символизируется Солнцем, как центр жизни. Сияющее Солнце и пылающее сердце являются символами центров макрокосма и микрокосма, означая человека и Небеса, трансцендентное разумение» [1, с. 186]. При таком смысловом «ветвлении» проступает и трансцендентный смысл стихотворения: смерть как уход в середину земли, в сердцевину земли, в самое сердце земли (а, возможно, одновременно и в самое сердце лирической героини) разве смерть? Возможно, это иное, не менее реальное, но более важное бытие человека?

Любой окказионализм является источником новых смыслов, т.к. выражает такие содержания, для которых в естественном языке «не нашлось слов». Как пишет Фрейдберг, "с одной стороны, тот или иной смысл не может реально существовать без одновременного отложения в виде известной структуры. С другой стороны, сама структура, представляющая собой морфологическую сторону смысла, является поводом для смысловой расшифровки и порождает новый смысл" [7, с. 118–119].

Вывод. Таким образом, процесс создания окказиональных существительных, в частности – с нулевой суффиксацией, представляет собой процесс означивания определенных содержательных структур сознания и подсознания автора, означивание индивидуально-авторских концептов и превращения их в языковые знаки. В результате окказиональные существительные становятся непосредственной языковой данностью, в которой «закодированы» многообразные имплицитные смыслы

Окказиональные существительные – результат поэтического словотворчества, которое реализует языковые потенции и позволяет выявлять закономерности в образовании слова и на прошлое, и на будущее состояние языка, т.е. имеет объяснительную и предсказательную силу.

Список литературы

1. Адамчик В.В. Словарь символов и знаков / В.В. Адамчик. – М. : АСТ Харвест, 2006. – 240 с.
2. Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение : (проблема сравнительной метрики) / М.Л. Гаспаров // Историческая поэтика : Итоги и перспективы. – М., 1986. – С. 188-209.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Т. 4. -1980. 683 с.
4. Зубова Л.В. Лингвистический аспект поэзии М. Цветаевой : дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.В. Зубова. -Л., 1990. – 489 л.
5. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) : [учебное пособие] / А.Г. Лыков. – М. : Высш. шк., 1976. -119 с.
6. Мегентесов С.А. Язык как объект исследования в свете синхронно-диахронной парадигмы / С.А. Мегентесов // Философия языка: в границах и вне границ / сост. и науч. ред. Д.И. Руденко. – Харьков, 1993. – С. 73-82.
7. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра: период антич. лит. / О.М. Фрейденберг. -Л. : Гослитиздат, 1936. -454 с.
8. Чуковский К.И. Футуристы / К.И. Чуковский. // Собрание сочинений в 6-ти т. – Т.6. – М., 1969. – С. 202–239.

Муратова Е.Ю. Роль окказиональних іменників в поетичному тексті // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 2. – С. 41-45.

У статті досліджується художня функція віддієслівних іменників з нульовим суфіксом в поетичних текстах М. Цветаєвої та Б. Ахмадуліної. Доводиться, що сама структура новоутворення, що представляє собою морфологічну сторону смислу, породжує новий смисловий процес.

Ключові слова: *окказиональний іменник, нульова суфіксація, віддієслівність, імпліцитні смисли.*

Mouratova Y.Y. The role of occasional nouns in a poetic text // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 2. – P. 41-45.

The artistic function of verbal nouns with zero suffix in M. Tsvetaeva's and B. Ahmadulina's poetic texts is analyzed. It's proved that the structure of a new formation, which corresponds to a morphological side of sense, causes a new semantic process.

Key words: *an occasional noun, zero suffixation, verbal, implicit sense.*

Поступила в редакцію 18.03.2012 г.